

- собие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. – 80 с.
3. Залевская А.А. Понимание текста: психолингвистический подход: Учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – 95 с.
 4. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование: Монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 206 с.
 5. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 134 с.
 6. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
 7. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 542 с.
 8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

А.В. Имас

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА KAFFEE В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

«Der Kaffee ist schwarz, aber sein Lob weiß». Arabisch

«Der Kaffee muss heiß wie die Hölle, schwarz wie der Teufel, rein wie ein Engel und süß wie die Liebe sein».

(Ch. M. de Talleyrand)

«Die beste Methode, das Leben angenehm zu verbringen, ist, guten Kaffee zu trinken. Und wenn man keinen haben kann, so soll man versuchen, so heiter und gelassen zu sein, als hätte man guten Kaffee getrunken».

(Jonathan Swift)

«Ei! wie schmeckt der Coffee süße,
Lieblicher als tausend Küsse,
Milder als Muskatenein.
Coffee, Coffee muss ich haben,
Und wenn jemand mich will laben,
Ach, so schenkt mir Coffee ein!»

(Johann Sebastian Bach)

В статье делается попытка осмыслить и описать процессы, связанные с формированием и вербализацией концепта КОФЕ в немецком языке и немецкоязычной культуре. При этом сознательно был ограничен материал исследования: в диахронии рассматривается только ключевая лексема *Kaffee* и образованные от нее субстантивные композиты, так как именно они образуют ядро лингвокультурного концепта.

Вслед за Ю.С. Степановым мы понимаем под концептом «... сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека и то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [1: 43]; «... это некий пучок пред-

ставлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний. ... В культуре нет ни чисто духовных концептов, ни чисто материальных вещей, каждое явление имеет две эти стороны» [Op. cit.: 75].

Вхождение кофе в культуру и вокабуляр жителей Европы, и в частности, немцев, было связано с «путешествием» продуктов и привычек питания, что активно стимулировалось эпохой Великих географических открытий и завоевательных походов, а в XVII в. достигло своего расцвета. Наряду с многочисленными специями, какао и другими экзотическими продуктами турецкое новшество (*Türkentrunk*) попадает сначала на столы во время придворных дипломатических приёмов в качестве знака уважения по отношению к иноземным гостям, а затем шаг за шагом расширяет сферу своего бытования на территории Германии и Австрии.

Диахронический анализ группы композитов с *Kaffee* проводился в рамках трех исторических эпох: 1 – с сер. XVIII в. по сер. XIX в. [2; 6]; 2 – с сер. XIX в. по сер. XX в. [5]; 3 – с сер. XX в. по нынешний день (Duden, DWDS, синонимические и прочие словари). Данная периодизация была подсказана самим исследуемым материалом – лексикографическими источниками, каждый из которых охватывает и отражает языковой материал определённой эпохи.

В словарной статье Аделунга «*Der Kaffeh*» зафиксированы 3 значения данной лексемы: кофе как растение (*Kaffeebaum*); кофе как плод кофейного дерева (*Kaffebohne*); кофе как напиток, получаемый из плодов (*Getränk*). Приводится этимология лексемы и композиты, появившиеся в вокабуляре носителей немецкого языка в связи с распространением напитка, всего 13 единиц (*Kaffebret, Kaffehzeug, Kaffehkanne, Kaffehlöffel, Kaffehlampe, Kaffeemühle, Kaffeepauke oder Kaffeetrommel, Kaffeeschälchen oder Kaffeetasse, Kaffeeteller, Kaffeetisch; Kaffeehaus*) [2]. Из них 12 наименований – это предметы утвари, посуды, необходимые для приготовления и кофепития. *Kaffeehaus* трактуется как общественный дом, в котором разрешено разливать кофе маленькими порциями для непосредственного употребления, т.е. по сути приравнивается к распространенным в то же самое время *Weinschenke = Weinhaus, Bierhaus = Bierschenke*. Примечателен также стилистический комментарий, который автор приводит в словарной статье „*die Schenke*“:

«*Da das Wort Schenke etwas Unedles an sich hat, so wird es nur von solchen Häusern dieser Art gebraucht, wo sich gemeine Leute zum Trunke versammeln. Anständigere Häuser heißen Kaffeehäuser, Weinhäuser u. s. f.*»

Что касается правил правописания, то для удобства Аделунг предлагает избегать удвоения *-e-* на конце слова *Kaffee* и акцентировать ударение на последнем слоге при помощи *-h-* (*Kaffeh*).

Совершенно очевидно, что в рассматриваемый период – с сер. XVII до сер. XVIII в. – можно говорить о возникновении так называемых эволюционных семиотических рядов [1]. Новый продукт, явление и обозначающее

его слово (знак) сначала подстраиваются под существующую семиотическую систему данной культуры. Такое замещение старого (прежнего) новым можно наблюдать и в системе обозначений: вместо привычных *Bierbreu*, *-mus*, *-suppe* появляются не только слова *Kaffeebrey* / *Kaffeesuppe*, но и способ употребления кофе в пищу поначалу копирует уже сложившиеся в немецкой культуре питания привычки, распространенные прежде всего среди простых людей: в кофе крошат хлеб и едят «кофейный суп» ложками. То же самое явление замещения или переноса формы и словесного знака мы имеем в отношении кафе: шинок, кабак = *die Schenke* – слово, вошедшее в вокабуляр немцев в XV в. [3], привело к появлению *Kaffehschenke*, которое позднее в XVIII–XIX вв. полностью было вытеснено более престижным *Kaffehhaus*. Еще позже произошел другой сдвиг в обозначении, связанный с этнокультурной идентификацией немцев и австрийцев. В современном немецком языке различаются *Kaffehhaus* (кофейный дом = торговая фирма, занимающаяся распространением и продажей кофе) и *Cafe* (кафе, кофейня, непосредственной составляющей которых является ассортимент напитков из кофе). В то же время в австрийском обиходе *Kaffehhaus* по-прежнему сохраняет своё первоначальное значение «кафе / кофейня».

Для раскрытия рассматриваемого концепта в историческом ракурсе особое значение имеет одно из самых информативных и интересных лексикографических произведений «Экономическая энциклопедия» Крюница [6]. Автор энциклопедии очень «современно» подходит к интерпретации собранного им материала: он не только приводит множество соотносимых с ключевым понятием *Kaffee* обозначений, но и насыщает статью историческими, культурологическими и социокультурными комментариями.

Энциклопедия Крюница содержит более 60 субстантивных композитов с определительным словом *Kaffee*. При этом одноименная словарная статья представляет собой объёмное историко-культурное сочинение, в котором в увлекательной форме описываются разнообразные понятия, связанные с появлением, распространением и употреблением кофе в Германии вт. пол. XVIII –нач. XIX в. (зачастую в сравнении с другими европейскими странами, с иллюстративными выдержками из подлинных документов того времени).

Экспансия кофе рассматривается с точки зрения политических и экономических последствий, социальной и гендерной значимости, различных способов приготовления и (в отдельных случаях) номинации кофе и кофейных напитков, а также с точки зрения его лекарственного и диетического потенциала. Приводимая автором разнообразная лингвокультурная и лингвострановедческая информация показывает, насколько динамично, противоречиво и необратимо кофе утверждало свое господство на территории Германии и Австрии, насколько серьезные последствия возымело данное гастрономическое новшество на весь социально-экономический уклад и культуру немецкоговорящих этносов.

Субстантивные композиты с *Kaffee* обнаруживают удивительную продуктивность и системность в структурном плане, определенную динамику в семантическом аспекте. В процессе анализа списка композитов, извлеченных из энциклопедии Крюница, были выявлены следующие значимые моменты.

В энциклопедии практически отсутствует специальная номинация кофе и кофейных напитков. Автор либо приводит французский вариант названия и затем описывает способ приготовления кофе (напр., *Café à la Reiaie*; *Café à la Sultane* – сегодня это кофе по-турецки *türkischer Kaffee*), либо перечисляет добавки (*einige Beymischung*), которые придают кофе специфический вкус и определенные медицинские свойства (молоко, сахар, сливки):

«... *Gemeiniglich trinkt man ihn [Kaffee] mit Zucker, und Milch oder Sahne, wozu noch Viele Brod genießen. ... Ich weiß nicht, wer zuerst den Zucker in den übeln Ruf gebracht hat, daß er Schleim erzeuge; aber dies weiß ich, und behaupte es, daß der Zucker, wegen seiner seifenartigen Natur, den Schleim vielmehr zertheile, und selbst die Blut=Kügelchen aufzulösen vermöge.*

Die Milch hat dasselbe Schicksal. Ihr Nutzen ist unläugbar. Sie nährt, und vermindert zugleich den Reitz des Kaffees, und macht ihn hitzigen und cholерischen Personen unschädlicher. Diejenigen hingegen, die ein feuchtes und schleimiges Temperament haben, deren Lunge und Magen mit Schleim, und insonderheit dieser mit Säure gequält ist, verfehlen ihren Zweck, wenn sie, ihrer geschwächten Verdauung und Magens, oder anderer Ursachen wegen, den Kaffe mit Milch trinken, und vermehren vielmehr dadurch ihre Beschwerden, zumahl, wenn der Kaffe schwach, mit vielem Zucker getrunken wird.

Das Brod nimmt man gemeiniglich nur alsdann bey dem Kaffe, wenn man ihn nüchtern trinkt, und wenn man verlangt, daß er nähre, und den Appetit stille. Die nach Tische Brod dazu genießen, bedürfen des Kaffees nicht, daß er ihre Verdauung anfrische. Viele können keinen Kaffe trinken ohne Brod, weil er sonst dem Magen Beschwerde macht. An vielen Orten, besonders wo Kaffehäuser sind, wird eine besondere Gattung Brod, welche daher Kaffebrod (Kaffe=Semmel, Kaffe=Stoellchen) genannt wird, gebacken».

Достоинны внимания и немногочисленные кулинарные рецепты: рецепт приготовления кофейного мусса (*Kaffe=Mus*), алкогольных настоек на кофе (*Kaffe=Aquavit / Kaffe=Branntwein / Kaffe=Gaescht*), популярного и сегодня во всём мире кофе глясе *Kaffe=Gefornes – Fr. Glace de Café*: в современном меню это *Eiskaffee*).

Распространение напитка сопровождается возникновением сопутствующих предметов быта и необходимостью их номинации. Большинство инструментативов (названия приспособлений для обжаривания и заваривания кофейных зёрен, посуда, приборы и сопутствующая утварь) сохраняется в современном вокабуляре немцев (*Kaffe=Service, Kaffe=Zeug, Kaffe=Serviette, Kaffe=Bret, =tisch, =tasse, =sieb, =loeffel, =kanne* и мн. другие). Отдельные единицы, связанные с процессом приготовления кофе, со временем превратились в историзмы, так как развитие науки и техники спо-

существовало появлению новых предметов и аппаратов, что потребовало новых лексических единиц для их обозначения (*Kaffepauke, Kaffetrommel, Kaffeebrenner*). Интересно, однако, заметить, что, несмотря на очевидную техническую и технологическую усложненность приборов, их названия строятся по той же композитной схеме, что и отжившие свой век обозначения: *Kaffeeautomat, Kaffeevollautomat*.

Возрастающая популярность напитка в корне изменяет привычный уклад бытовой жизни, гастрономических предпочтений немцев. Привычные для низких сословий и крестьян хмельные завтраки (*Bier=suppe, Bier=brey*) постепенно вытесняются сначала их кофейным вариантом (*Kaffee=brey*). Однако такое положение дел явно не устраивает пивоваров и продавцов пива и вина. Начинается многолетняя борьба за рынок. Одним из замечательных свидетельств этого противостояния является следующий документ:

«Der König von Preußen, Friderich der Große, nahm im J. 1779, mit der Versteuerung einiger Ueberfluß Waaren in dem Fürstenthume Halberstadt eine Veränderung vor. Die Ritterschaft des Landes glaubte sich dadurch gekränkt, that Vorstellungen bey Hofe, und verfocht insonderheit sehr den lieben Kaffe. Der Erfolg war, was zu erwarten stand von einem Fürsten, dem keine Betrachtung der Person, und Grille, von wem sie auch rühren mag, für eine Grille gilt; ein gnädiges Rescript, voll Wahrheit, Menschen-sinn und Popularität, welches im Wesentlichen enthielt: Der Supplikanten privilegia seyn älter, als der Gebrauch des Kaffees, und leiden also nicht, indem dieser erschwert werde; die Consumtion des Kaffees gehe zu weit; jeder Bauer und gemeiner Mensch habe sich daran gewöhnt, weil er überall zu finden, und das jage unendlich Geld zum Lande hinaus der einheimischen Brauereyen Bestes erfordere, daß die Leute sich wiederum mehr an das Bier gewöhnen; Se. Majestät selbst seyn in Ihrer Jugend mit Bier=Suppen erzogen; mithin können die Halberstädter ebenfalls dabey gedeihen; und gesunder, als Kaffe, sey Biersuppe ohnedies».

Противники кофе объявляют о разразившейся кофейной эпидемии и жутких последствиях новшества:

«... daß die Kaffe=Seuche eine böse Gewohnheit, und schwer auszurotten sey, daß Zwangsmittel nicht hinreichend seyn, daß schwere Auflagen nicht helfen; daß die Kaffe=Seuche von der blinden Nachahmung entstehe; daß der Kaffe der Gesundheit schädlich sey; daß die Kaffe=Seuche die Zeit verderbe, die Faulheit vermehre, arm mache, das Brauwesen in Verfall bringe, Mangel am Holze und Silber verursache; daß der Kaffe nicht nur im physischen und ökonomischen, sondern auch im moralischen Verstande schädlich sey, indem er verführerisch ist, den Hochmuth, den Müßiggang und die Verschwendung befördert und die Verleumdung unterhält».

К другим негативным последствиям распространения кофе Крюниц относит необратимые изменения в семейно-ролевом укладе, появлении дополнительного приёма пищи в системе питания. В моду входят приглашения на кофе (*die Nachmittagsbesuche, oder so genannten Kaffe=Visiten*). Они требуют не только значительных финансовых и временных затрат, но и от-

влекают женщин от их непосредственных обязанностей по уходу за детьми и хозяйством. А расширение круга общения, по мнению автора энциклопедии, могло принести женщине только негативный опыт, связанный с легкомыслием, кокетством и соблазнами.

По всей видимости, именно вследствие подобных патриархальных взглядов на место женщины в обществе вплоть до нач. XIX в. представительницам слабого пола запрещалось посещать кафе (*Caffe – Kaffeehaus*). Исключение составляли кухонный персонал, скрытый от глаз посетителей, и кассир (*Sitzkassierin*), сидевшая в специальном отсеке кафе и тщательно наблюдавшая за потреблением сахара. Приглашения на чашечку кофе повлекли за собой появление таких понятий, как *Kaffeehochzeit, Kaffeegesellschaft, Kaffeerunde*, которые в современном немецком языке имеют явно выраженный оценочный характер и ироничное звучание.

Крюниц подчеркивает возможность и необходимость приобщения к кофепитию всех слоев населения, обосновывая это правом каждого человека на получение удовольствия:

«Nur bey wilden und rohen Nationen setzen die Despoten einen Werth darin, daß sie gewisse Dinge allein genießen, und verweigern sie grausam den Unterdrückten».

При этом право аристократии на всё самое благородное и лучшее ни в коем случае не оспаривается Крюницом. Наоборот, он видит угрозу монархии именно в нивелировании статусно-сословной иерархии:

«Zwar muß Unterschied der Stände nothwendig immer bleiben, und jedem State sollten alle Mittel willkommen seyn, die nicht den Stolz, aber die Würde, nicht den Prunk, aber den Reichthum des Adels erhielten. Mit seinem Verfalle wird sicher der wahre Wohlstand eines monarchischen States immer in gleichem Verhältnisse fallen».

Недоступность настоящего кофе для широких слоев населения из-за высоких цен, с одной стороны, маркирует данный продукт как элитарный и престижный, наделяет кофе (и соответственно, ритуал кофепития) статусно-дифференцирующей функцией. С другой стороны, естественным противоположным процессом становится поиск кофезаменителей, суррогатов, не уступающих по вкусу кофе, но доступных простому народу. Это раздражительное (иллюзорное) стремление стереть границу между сословиями в рассматриваемый период времени приводит к экспериментированию, а затем и повсеместному распространению целого ряда напитков на основе отечественных аграрных культур, которые сегодня можно объединить одним понятием *Landkaffee*:

«Man hat in den neuern Zeiten verschiedene Versuche gemacht, aus Wurzeln, Samen und Kernen, durch eine gleiche Zubereitung, wo nicht eben denselben, doch einen ähnlichen, ja vielleicht noch bessern, wohlschmeckendern und gesundern Trank zu bereiten, als aus den Kaffebohnen. Futter=oder Feld=Bohnen, s. Th. VI, Möhren; wälsche Nüsse; Reiß; gemeiner sowohl als ägyptischer Rocken; Scorzoner=Wurzeln; türkischer Weitzen; Same des Wunder=Baumes, Ricinus communis L. Unter den jetzt genannten

einheimischen Kaffearten, welche die Stelle des orientalischen Kaffees ersetzen sollen, haben bisher die Cichorienwurzeln, der Rocken und Reiß den Vorzug behauptet, weil sie dem gewöhnlichen Kaffeegeschmacke am nächsten kommen; insonderheit der Reiß».

Крюнитц анализирует далее национальную специфику в способах употребления восточного по происхождению напитка:

«Jede Nation hat fast ihre eigene Art, den Kaffe zu trinken. Die Türken trinken ihren stärkern und geistigern, ans der Pulpe der Frucht jederzeit nur eine Tasse voll. Die andern Nationen trinken ihn gebrannt in Bohnen. Bey dem Trinken pflegen die Morgenländer etwas gestoßene Nelken, oder Zimmet, oder Cardamomen, oder etliche Tropfen graue Ambra=Essenz, oder ein wenig Zucker mit Ambra angefeuchtet, oder einen halben Löffel voll Pomeranzenbluth=Wasser hinein zu thun. Die Engländer trinken ihn fast nur des Morgens, bey einer Butterschnitte, und überhaupt sparsam. Der Holländer, morgens und nachmittags, wenig und stark; der gemeine Mann meist ohne Zucker, oder er beißt etwas Zucker dazu, oder, statt dessen, Lakritzensaft. Die Franzosen essen meist des Morgens eine große Tasse voll Kaffe; denn sie thun Zucker und Semmel hinein, und machen sich <32, 184> einen Kaffeibrey. Die Schweden trinken ihn vorzüglich nach der Mittagsmahlzeit, an drey Tassen, mit Milch und Zucker».

Но еще более интересно вывод, к которому приходит автор энциклопедии:

«Bey den Deutschen sind alle diese Gewohnheiten, und noch mehrere, vereinbaret; sie trinken morgens und abends, alt und jung, vom vornehmsten Manne bis zum ärmsten; sie essen und trinken ihn, wie man es verlangt; sie sieden ihn auf, und filtriren ihn; der gemeine Mann labet sich so gar am Kaffe=Spühlicht, mit Syrupp versüßt, um nur die Mode mit zu machen, und Kaffe zu lutschen; kurz, alle Unarten der Ausländer sind hier einheimisch, und werden sich auch vermuthlich hier am spätesten verlieren».

В рассматриваемый нами отрезок времени активно формируются традиции немецкоязычных этносов в кофепитии, ритуализируются некоторые формы и способы употребления кофе, что является, с одной стороны, результатом усвоения культурного опыта других народов и, с другой стороны, постепенного складывания национальной специфики.

Многочисленные запреты и ограничения на ввоз кофе, введение государственной монополии на обжарку кофейных зёрен, меры, направленные на регулирование торговли, и другие явления обнаруживают следы в лексемах: *Kaffe=monopol, Kaffe=schnueffler, Kaffe=kraemer, Kaffe=steuer, Brenn=schein, Kaffe=verordnung, Kaffe=verbrauch, Kaffe=handel* и др.

Многие из них остаются в языке и по сей день. В разряд историзмов можно отнести лишь лексему *Kaffe=schnueffler*, историческую реалию, связанную с правлением Фридриха Великого и введением особой должности при его дворе «вынюхивателей кофе». Обязанностью этих людей было по запаху определять, в каких домах незаконно производилась обжарка кофе. Здесь напрашивается явная историческая аналогия с более поздней эпохой – ГДР (50-е годы), когда после разделения Германии на восточной территории возник дефицит кофе (*Kaffeekrise*). Восточные немцы, возвращав-

шиеся из Западных областей на поезде от родственников или знакомых и везущие с собой кофе, подвергались строжайшему досмотру со стороны таможенников ГДР, которые очень часто определяли местонахождение контрабанды именно по характерному запаху кофе. Как устаревшее маркировано также слово *Kraemer* (мелочной купец, мелкий торговец, лавочник [7]) сохраняет в современном немецком языке лишь второе пейоративное значение 'торгаш'.

Распространение кофепития способствовало поиску новых способов приготовления напитка, более удобных и доступных (*Filterkaffee*, *Kaffe=Essenz*).

Много внимания уделяется в энциклопедии описанию значимости кофеен и их общественно-культурной функции:

«Sie dienen zur Bequemlichkeit und zum Angenehmen in solchen Städten, wo ein Zusammenlauf von Leuten, und wo man nach den Regeln einer guten Stadtpolizey verbunden ist, zugleich auf einen vergnügten Aufenthalt solcher Personen zu denken, die ab und zu reisen, oder sich doch nur eine Zeit lang daselbst aufhalten, nicht daselbst wohnen, kein eigenes Hauswesen haben, nicht immer auf der Stube sitzen können, sondern einige Veränderung, die so angenehm als nützlich ist, haben müssen. ...Man stelle sich eine Stadt vor, darin unbeweibte Männer leben, denen der Umgang in einer Haus=Familie fehlt, oder auch, darin Hausväter nach vollendeten Geschäften sich nach einer ermunternden Abwechselung sehnen, ohne solche in Bier= oder Wein=Häusern zu suchen; oder man bilde sich Fremde in einer Stadt ein, die des Tages ihre Geschäfte verrichter haben, und sich nachher eine Erquickung wünschen, die so wenig in ihren Herbergen, als sonst, anzutreffen ist; gewiß, wo nicht in einer Stadt ein oder mehrere Kaffehäuser angeleget werden, wird dieser ergetzende Endzweck schwerlich erreicht».

Явно прослеживается андроцентричность кафе, их ориентированность на нужды и потребности сильной половины человечества.

Большой пассаж в словарной статье Крюница уделяется требованиям, которые должны соблюдаться при организации кофеен: порядочный и ответственный владелец (*Kaffeschenk*, *Kaffewirth*, *Fr. Cafetier*); запрет непристойных развлечений, к которым относятся карточные игры; создание уютной атмосферы и предоставление посетителям богатого выбора разнообразных освежающих и недорогих напитков (*Kaffe*, *Chocolate*, *Thee*, *Punsch*, *Bischof*, *abgezogen Wasser*, *Orgeade*, *Limonade etc*); размещение кафе в центральных, благопристойных районах города и т.п. В качестве лучших образцов подобного рода заведений Крюнитц приводит Венские кофейни, кофейню в Лейпциге (*das neue Richtersche Kaffehaus*), кафе в Париже и Гааге. Постепенно кофейни завоёвывают популярность и становятся всё более значимым в культурном отношении явлением.

Не менее пространным и очень «современным» является раздел, посвященный как описанию лечебных и диетических свойств кофе, рецептам заваривания полезного напитка, так и критике его вредного воздействия на организм. Полемика по вопросу – вреден или полезен кофе – длится по нынешний день, так как по сути своей вопрос риторичен. Всё зависит от

предпочтений авторов тех или иных версий и от количества потребляемого напитка.

Тезис о постоянном пополнении корпуса композитов, образованных по схеме *Kaffee* + опорное слово, находит свое подтверждение и при обращении к следующей эпохе, представленной словарем братьев Grimm [5]. Количество зафиксированных сложных слов с *Kaffee* возросло до 80 единиц. Словообразовательная активность и системность отражается также в продуктивности другой схемы образования субстантивных композитов, в которой теперь *Kaffee* выступает и в качестве опорного слова. Таких единиц в словаре Гриммов – более тринадцати (*milchkaffee, Mokkakaffee, Java-kaffee, frühkaffee, morgenkaffee, nachmittagskaffee* (GÖTTE 30, 58), *gesundheitskaffee, kindtaufskaffee, beruhigungskaffee; cichorienkaffee ein surrogat (auch deutscher kaffee genannt), wie eichelkaffee, gerstenkaffee, kornkaffee u. d.*). Каждое из обозначений данного списка конкретизирует либо состав кофейного напитка, либо его воздействие на организм, либо указывает на время или условия принятия кофе.

Анализ собранного материала позволяет утверждать, что разворачивание концепта непременно способствует дальнейшей дифференциации и всесторонней аксиологической интерпретации ключевого понятия и приводит к возникновению большого количества единиц, отражающих стилистическую идентификацию обозначений, качественные характеристики напитка, отношение к нему в обществе. Здесь можно сгруппировать материал по следующим темам:

– оценка вкусовых свойств кофе:

(*Kaffeepansch, m. spotname für schlechten, unreinen oder dünn gekochten kaffee, auch fürs kaffeetrinken: wenn sie sich des nachmittags ihrer zwei bis drei dutzend zum kaffeepantsche setzten. HOLTEI Lammfell 3, 130. er hat viele spotnamen örtlicher geltung, schwäb. plämpel, sächs. lätsch, lütsche, lurke, lorke, kaffeepansch, bair. hutzeltwasser; als noch die 'schälchen' mit gemalten blumen beliebt waren, nannte man dünnen kaffee in Leipzig blümchenskaffee, weil man die blumen des bodens hindurch sah. ; kaffebrühe (schlechter kaffee)*)

– любовь к напитку и связанному с его употреблением времяпровождению:

а) в домашних условиях (*Kaffeeschwester, f. leidenschaftliche kaffeetrinkerin, wie betschwester, klatschschwester; Kaffeeklatsch, m. geschwätz in einem kaffeekränzchen; Kaffeekraenzchen n. eine öftere zusammenkunft einiger vertrauter frauenzimmer, welche nach der reihe herum gehet, wobei sie sich mit kaffee trinken und l'ombre-spiel divertiren und ergötzen; Kaffeefreund, Kaffeeliebhaber*);

б) в специализированных заведениях (кафе / кофейня). Лексема *Kaffeehaus* также реализует словообразовательный потенциал в целом ряде новых наименований – *Dazu wieder kaffeehauswirt, kaffeehauskellner, kaffeehausgast, kaffeehausbesuch, kaffeehauspolitik, kaffeehauspolitiker u. s. w.*

На наш взгляд, это свидетельствует об образовании смежной культурной концептуальной области, в которой ключевая лексема *Kaffee* в значении ‘напиток’ выступает гипонимичным элементом к центробразующему *Kaffeehaus*. Формируется так называемая *Kaffeekultur* – буржуазная модель существования в определенном социальном коммуникативном пространстве, локализованным в специальных заведениях – кофейнях. Особое значение этнокультурного символа *Kaffeehaus* приобретает в Австрии, в Вене. (Однако, исследованию этого явления будет посвящена другая работа).

С сер. XIX в. женщины получают доступ в кафе и становятся активными посетительницами этих заведений. В конце XIX в. появляются гендерно акцентированные обозначения *Kaffeeschlacht*, *Damenkaffeegesellschaft*, *Kaffeeschwester*.

По наблюдениям австрийского социолога Р. Зандгрубера, именно на этот период – к нач. XX в. – кофе становится поистине народным напитком – основным продуктом питания всех слоёв населения. Если, например, в сер. XIX в. в крестьянской среде кофе воспринималось как недоступный предмет роскоши (*Luxusgetränk*), и только самые зажиточные крестьяне могли употреблять его по выходным дням и праздникам, то к началу XX в. кофе (преимущественно в суррогатном варианте) вприкуску со сдобной булочкой (*Kipfel*, австр. *Kipferl* / *Kipfl*), ржаным хлебом и молоком (*Milchkaffee*) становится популярным завтраком всего населения Австрии и Германии [8]:

*«In der Fruah a seia Supp'n
Hab'n ma alle liab Tag
Drinn a ettila gersta Brocka
Is a Wunda, das ma's mag.*

*D'Herrenleut, dö hab'n Kaffee
Schokoladö und an Tee
Eierkipfl'n tunkans ein
Ei, das müaßt a Giatat sein!»*

Популярность напитка основывалась в немалой степени и на приписываемых ему качествах – прояснять ум, бодрить, отрезвлять и насыщать желудок. Р. Зандгрубер приводит интересную выдержку из документа того времени [8: 205]:

«Der Hufknecht in der Schmiede, der Sackträger, die Kastanienbräterin, alle schreien um Kaffee, und selbst Bettelweiber sieht man, die ihre erbettelten Pfennige zusammensetzen, um dafür Kaffee zu trinken... Ein Weinrausch ist ein zu großes Verbrechen, als das er nicht Ekel und Abscheu erregen sollte; aber eine Begeisterung durch Kaffee gilt für einen veredelten Zustand... Statt sich mit Wein zu berauschen, worüber sich jeder gebildete schämen müsste, kann man ohne Erröten auch einen Kaffeerausch seiner Phantasie angenehme Schwingungen geben».

Таким образом, к середине XX в. кофе и кафе стали неотъемлемыми

атрибутами в системе питания и организации досуга на территории Германии и Австрии. Без кофе уже невозможно было представить себе повседневную жизнь и общение.

Известный немецкий лирик Е. Рот (1895–1976) в стихотворении «*Der starke Kaffee*» с легкой иронией описывает, как чрезмерная любовь к напитку приводит человека в одну из бессонных ночей на грань выбора между жизнью и смертью. А утром все ночные терзания и страдания быстро забываются... за очередной чашечкой кофе:

*«Ein Mensch, der viel Kaffee getrunken,
Ist nachts in keinen Schlaf gesunken.
Nun muss er zwischen Tod und Leben
Hoch überm Schlummerabgrund schweben
Und sich mit flatterflinken Nerven
Von einer Angst zur andern werfen
Und wie ein Affe auf dem schwanken
Gezweige turnen der Gedanken,
Muss über die geheimsten Wurzeln
Des vielverschlungenen Daseins purzeln
Und hat verlaufen sich alsbald
Im höllischen Gehirn-Urwald.
In einer Schlucht von tausend Dämpfen
Muss er mit Spukgestalten kämpfen,
Muss, von Gespenstern blöd geöffit,
An Weiher, Schule, Krieg, Geschäft
In tollster Überblendung denken
Und dann sich nicht ins Nichts versenken.
Der Mensch in selber Nacht beschließt,
Dass er Kaffee nie mehr genießt.
Doch ist vergessen alles Weh
Am andern Morgen - beim Kaffee».*

Третий период формирования и насыщения концепта КОФЕ новыми внутренними смыслами – с сер. XX в. по настоящий момент – характеризуется еще большей детализацией, в номинации как самого продукта – кофе, так и способов его добычи, приготовления и потребления. Словарная дефиниция лексемы *Kaffee* включает в себя уже 5 значений [4]. Корпус субстантивных композитов существенно пополнился – их уже более 200 единиц только в нашем списке.

Таким образом, даже такое краткое погружение в ядро концепта КАФФЕЕ в полной мере демонстрирует, что данный концепт охватывает все сферы бытования немецкоязычных этносов и может считаться ключевым концептом в данном культурном пространстве. Анализ других способов и средств вербализации этого концепта в немецком языке и его австрийском варианте на материале лексикографических источников и прецедентных текстов выходит за рамки данной статьи (см. продолжение в следующем

выпуске «Лингвистика и межкультурная коммуникация» «Вестника Тверского государственного университета»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Изд-во «Академический проект», 2004. – 992 с.
2. Adelung, J. Ch. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart (1811). – In 4 Bde. – Bd.2. (<http://mdz.bib-bvb.de/digbib/lexika/adelung/>)
3. Drosdowsky, G. (Hrsg.). Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – Bd.7. – Mannheim; Wien; Zürich, 1989. – 1816 S.
4. Drosdowsky, G. (Hrsg.). Duden Universalwörterbuch. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1989. – 839 S.
5. Grimm, J. und W. Deutsches Wörterbuch in 16 Bde. [in 32 Teilbänden]. Leipzig: S. Hirzel 1854–1960. – Quellenverzeichnis, 1971. (<http://germazope.uni-trier.de/Projects/WBB/woerterbuecher/dwb/>)
6. Krünitz, J. G. Ökonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats-Stadt-, Haus- und Landwirthschaft. – In 242 Bde; 1773–1858. – Band 32. (<http://www.kruenitz1.uni-trier.de/>)
7. Pawlowsky, J. Deutsch-Rusisches Wörterbuch. – Riga: Verlag von N. Kymmell, 1902. – 1527 S.
8. Sandgruber, R. Die Anfänge der Konsumgesellschaft. Konsumgüterverbrauch, Lebensstandard und Alltagskultur in Österreich im 18. und 19. Jahrhundert // Sozial- und wirtschaftshistorische Studien. – Vienna: Verlag für Geschichte und Politik, 1982. – Vol. XV. – 486 S.

К.С. Карданова

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ДИНАМИКИ РЕЧЕВОГО СОБЫТИЯ (на материале политического дискурса)

Релевантным для теории деятельности, в том числе и речевой, является рассмотрение субъекта, обладающего *потребностями*, как предпосылки любой деятельности. При этом единственным побудителем направленной деятельности выступает не сама по себе потребность, а предмет, отвечающий данной потребности, т.е. *мотив* деятельности [5]. А поскольку мотив деятельности обнаруживают *эмоции*, именно они позволяют человеку, по словам А.А. Леонтьева, интегрировать его физические, духовно-нравственные средства для решения поставленной задачи: если такие средства есть, индивид анализирует условия достижения цели, если же таких средств нет, он отказывается от решения задачи [2]. В отечественной психолингвистике триада «потребность – мотив – эмоция», компоненты которой соотносятся с деятельностью, действием и операцией, стала рассматриваться как методологическая основа описания речевой деятельности.